

ЯКОВЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ТОЛМАЧЕВЪ,

ординарный профессоръ Спб. университета,

род. 6-го октября 1779 г., умеръ 18-го января 1873 г.

Автобиографическая записка.

I.

Родился я 6-го октября 1779 года, въ слободѣ Лиццахъ, Харьковской губерніи и Харьковскаго уѣзда, въ которой при церкви Рождества Христова отецъ мой былъ двѣнадцать лѣтъ причетникомъ-дьячкомъ. Прадѣдъ-же мой былъ дворянинъ, переселившійся изъ села Толмачевки, отстоящаго въ разстояніи около двухъ верстъ отъ города Курска, въ село Тишки, Харьковскаго уѣзда, съ частью своихъ крестьянъ, и, вступивъ въ духовное званіе, сдѣлался священникомъ. Родоначальникъ фамиліи дворянъ Толмачевыхъ былъ, вѣроятно, толмачъ при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, упоминаемый въ Исторіи Карамзина.

Первые четыре года моего дѣтства прошли безсознательно для меня. Помню только, что, будучи еще трехъ или четырехъ лѣтъ, я ходилъ иногда къ своему дѣду, отцу моей матери, гажиточному и грамотному крестьянину. Когда я проходилъ черезъ другія дальнія деревни, жители сбѣгались смотрѣть на меня какъ на нѣкоторое чудо. Въ эти четыре года, не помню какъ и когда, началъ я учиться грамотѣ; но въ пять или шесть лѣтъ я зналъ уже на память весь почти Часословъ и Псалтирь, которыми въ тогдашнее время, по большей части, начиналось и оканчивалось первѣдое воспитаніе дѣтей. Изъ сихъ книгъ весьма много назидательнаго сохранила память моя во все теченіе моей долговременной жизни.

Послѣ четырехъ или пяти лѣтъ моего дѣтства оставшіяся воспоминанія весьма неутѣшительны: напримѣръ, я имѣлъ обыкновенною забавою лазить на высокія деревья и вынимать яйца изъ птичьихъ гнѣздъ или ходить по карнизу вокругъ церкви, держась одною рукою за зонтины, а другою доставая воробьиныя гнѣзда. Деревня, мѣсто жительства простаго необразованнаго народа. ежедневно подавала мнѣ случай знакомиться съ сельскими ребятишками, которые мало по малу пріучили меня бѣгать вмѣстѣ съ ними по улицамъ, дѣлать грубыя ихъ игры и забавы, лазить въ чужіе сады и огороды, гдѣ пойманный, къ своему несчастію, возвращался я домой или безъ рубашки или съ рубцами на тѣлѣ. Въ такихъ занятіяхъ ученіе не приходило мнѣ на умъ. Съ семилѣтняго возраста и началъ уже ходить изъ найма на чужую работу. Въ продолженіе лѣтняго времени я ходилъ полоть бакши и за работу получалъ по шести копеекъ въ день мелкою монетою. Эти деньги отдавалъ я своей матери въ пособіе. Товарищество съ дѣтьми малороссіянъ и сообщество въ работахъ съ ними имѣли то полезное для меня послѣдствіе, что я выучился хорошо говорить помалороссійски. Дома я говорилъ по-русски съ отцемъ и матерью, которые были великоруссы. Знаніе малороссійскаго нарѣчія нынѣ помогаетъ мнѣ иногда при этимологическихъ изслѣдованіяхъ словъ языка русскаго.

Въ 1789 году отецъ мой былъ посвященъ въ священническій санъ въ сосѣднее бѣдное и малолюдное село Борщево. По своему безкорыстію онъ не имѣлъ почти никакого дохода и, будучи крайне бѣденъ, во всю свою жизнь не имѣлъ наемныхъ ни работниковъ, ни работницъ, исключая поденщиковъ, нанимаемыхъ иногда въ крайнихъ случаяхъ. Мои отецъ и мать сами трудились, а вмѣстѣ съ ними и всѣ дѣти. Однако, состояніе его теперь значительно улучшилось въ сравненіи съ прежнимъ. Прежде церковное поле отстояло отъ его дома около двѣнадцати верстъ и онъ мало занимался земледѣліемъ; но въ селѣ Борщевѣ оно было подъ рукою. Онъ началъ воздѣлывать свою часть церковнаго поля; вмѣстѣ съ нимъ и я началъ трудиться: пахать, косить, молотить, жать и т. д. По близости лѣса, возлѣ отцовскаго дома, я носилъ дрова большею частью на себѣ, особливо когда у отца не было лошади, и занимался всѣми сельскими работами, слѣды которыхъ остались доселѣ въ разныхъ признакахъ на моемъ тѣлѣ: на головѣ, на рукахъ, на пальцахъ, на ногахъ. Случалось нерѣдко, что я цѣлый день, въ зимнее время, въ одной рубашкѣ, стоя въ снѣгу по колѣни, въ лаптяхъ своей работы, рубилъ дрова въ лѣсу и не зналъ

никакой простуды; а въ лѣтнее время, окопавъ полусгнившіе пни дубовыхъ деревьевъ и взваливъ ихъ на себя, сносилъ ихъ съ горы домой. Если въ лѣсу встрѣчались мнѣ деревца, обращающія мое вниманіе какою-нибудь своею климатическою рѣдкостью, я пересаживалъ ихъ въ отцовскій огородъ. Такіе труды принесли мнѣ въ жизни ту пользу, что укрѣпили мои тѣлесныя силы, приучили къ терпѣнію, къ труду и дѣятельности. Справедливо сказалъ Virgilій: *Labor omnia vincit. Improbus et duris in rebus egestus.* Въ селѣ Борщевѣ была небольшая деревянная церковь, въ которой я въ воскресные и праздничные дни обыкновенно читалъ и пѣлъ и клиросъ и лазилъ нерѣдко звонить на колокольню; за все эт крестьяне очень любили меня. Въ дни Рождества Христова и Свѣтлаго Воскресенія рано утромъ я обыкновенно обходилъ весь приходъ съ поздравленіями, и за поздравленія приобрѣталъ иногда сумму денегъ до пятидесяти копеекъ.

Когда я былъ уже тринадцати лѣтъ, открылась при церкви села Борщова вакантное пономарское мѣсто. Имѣя въ мысляхъ примѣръ отца, который прежде былъ причетникомъ, я рѣшился искать сего мѣста и пошелъ въ Бѣлгородъ просить архіерея объ опредѣленіи меня на это вакантное мѣсто, но въ моему горю одинъ изъ стариковъ, лишенныхъ священства, того-же села, упредилъ меня и занялъ сіе мѣсто.

Наступилъ мнѣ четырнадцатый годъ. Я началъ думать о своемъ будущемъ положеніи. Въ это время отъ духовнаго начальства предписано было понуждать отцовъ отдавать дѣтей своихъ въ училища. И я на четырнадцатомъ году былъ отданъ для образованія въ харьковскій коллегіумъ, въ которомъ обучались тогда преимущественно дѣти духовныхъ лицъ, нѣкоторыхъ купцовъ и дворянъ. Въ первый годъ ученія, живя на квартирѣ на отцовскомъ, крайне бѣдномъ, содержаніи, я былъ ввѣренъ отцомъ частному надзору студента философіи Тишинскаго, который остался памятенъ мнѣ доселѣ только тѣмъ, что всегда сердился, когда я составлялъ маленькія тетрадки и вписывалъ въ нихъ латинскія слова и фразы. Тетрадки мои онъ иногда съ негодованіемъ рвалъ и бросалъ въ огонь.

На другой годъ моего ученія въ коллегіумѣ, я былъ принятъ, по уваженію моего поведенія и успѣховъ въ ученіи, на казенное содержаніе въ число бѣдныхъ учениковъ, жившихъ въ бурсѣ. Бурса того времени, находившаяся при харьковскомъ коллегіумѣ, была одноэтажное каменное строеніе, ни внутри, ни снаружи не бѣленое; она имѣла два поперечныхъ коридора, въ которыхъ по правую

и по лѣвую сторону было по двѣ обширныхъ комнаты. Въ четырехъ комнатахъ къ югу жили воспитанники, числомъ до шестидесяти и болѣе человѣкъ. Въ этихъ комнатахъ у стѣнъ были пристроены лавки, на которыхъ ученики высшихъ классовъ спали, а низшихъ классовъ ученики спали на полу. Больные лежали на лавкахъ вмѣстѣ между здоровыми. Больницы и кроватей въ бурсѣ вовсе не было. Однако, во все время ученія моего въ коллегіумѣ, въ теченіе пяти лѣтъ, не было ни одного умершаго ученика изъ числа семи-или восьмисотъ учившихся въ коллегіумѣ. О лекаряхъ и аптекахъ не было и помину. Комнаты въ зимнее время рѣдко отапливались. По недостатку дровъ возрастнѣйшіе воспитанники ходили иногда ночью на рѣку Лопать и съ мостовъ снимали мосто-вицы и ими отапливали комнаты.

Содержаніе воспитанникамъ было крайне бѣдное. Начальство не давало имъ ни бѣлья, ни одежды, ни обуви. Они ходили во всемъ своемъ одѣяніи, и лѣтомъ и зимою по большей части въ одной и той-же одеждѣ. Всегдашней пищею ихъ были, въ обѣдъ постыя щи, ржаной хлѣбъ и сухари; въ ужинъ, гречневья голушки, величиною каждая почти въ полфунта.

Образъ жизни воспитанниковъ былъ весьма трудный и тягостный. Они строго обязаны были вставать очень рано и каждый день, въ шестомъ часу утра, идти въ коллегіумъ учиться греческому языку. Разстояніе бурсы отъ коллегіума было около версты Мостовой и тротуаровъ въ то время еще нигдѣ не было въ городѣ Харьковѣ. Въ зимнее время ученики принуждены были ходить въ классы на лекціи греческаго языка ночью по дорогѣ, иногда за-навшей глубокимъ снѣгомъ. Въ коллегіумѣ отъ самаго начала его постройки никогда не существовало ни одной печи. Чернила замерзали въ классахъ отъ холода и мы, желая написать что-нибудь, нагрѣвали чернильницы за пазухою теплотою тѣла.

Въ харьковскомъ коллегіумѣ въ низшихъ классахъ исключительно почти преподавались одни древніе языки: латинскій и греческій. Въ два года я сдѣлалъ такіе успѣхи въ латинскомъ языкѣ, что могъ уже на третій годъ порядочно понимать латинскихъ классиковъ. А третій годъ, находясь въ классѣ пятники, я прочелъ, сколько помню: Разговоры Эразма Роттердамскаго, какую-то священную исторію на латинскомъ языкѣ и Саллюстія: „Bellum Catilinarium et Jugurthinum, и приобрѣлъ уже почетную извѣстность между учениками, своими сверстниками; родители нѣкоторыхъ изъ нихъ просили меня пояснять дѣтямъ ихъ уроки и платили мнѣ за годъ трудовъ по рублю и по два рубля. Первые деньги, получен-

ныя мною за трудъ, употребилъ я на покупку платья для своей матери.

Четвертый и пятый годы моего учебнаго курса посвящены были риторикѣ, которой учились мы по книжкѣ Бургія на латинскомъ языкѣ и по книжкѣ Лежея, котораго латинскія рѣчи служили намъ образцами для подражанія и сочиненія рѣчей, также на языкѣ латинскомъ. Чтеніемъ русскихъ книгъ и русскою литературою мало мы занимались, потому что книжныхъ лавокъ еще не было въ Харьковѣ, а у частныхъ лицъ книги были большою рѣдкостью. Мнѣ памятно и теперь—съ какою жадностью студенты читали Полиціона и Бову-Королевича, перехватывая ихъ другъ у друга.

Четыре года жизни, проведенные въ харьковской бурсѣ и ознаменованные темными картинами бѣдности, доставляютъ мнѣ часто пріятныя воспоминанія,—какъ я, сидя въ уголкѣ на лавкѣ, закрывшись занавѣскою, училъ латинскія слова изъ Геслерова лексикона желая весь лексиконъ выучить наизусть. Какъ я, просидѣвъ за полночь при тусклой свѣчѣ, поставленной на крышкѣ сундучка, вслѣдствіе неимѣнія подсвѣчника, засыпалъ сидя, а догорѣвшая свѣча портила крышку сундучка, а иногда и близъ лежавшія вещи

Въ 1799 г. указомъ святѣйшаго синода велѣно было начальствамъ духовныхъ семинарій черезъ каждые два года посылать въ академію по два ученика, для образованія и потомъ занятія учительскихъ мѣстъ въ семинаріяхъ. Для этой цѣли я и другой ученикъ, по окончаніи риторическаго курса, были посланы въ кievскую академію продолжать науки. Въ этомъ одномъ изъ древнѣйшихъ высшихъ училищъ провелъ я четыре года съ большою пользою. Многіе того времени наставники академіи учились и образовались въ московскомъ университетѣ, а нѣкоторые —за-границею, въ чужихъ краяхъ.

Учащіяся въ академіи отличались хорошею нравственностью и благородствомъ обхожденія, которое въ другихъ духовныхъ училищахъ того времени было, сколько мнѣ извѣстно, довольно грубо.

Обучаясь въ академіи и зная цѣль своего назначенія, я старался, такъ сказать, всему выучиться; преимущественно-же я посвящалъ свое время изученію языковъ: греческаго, латинскаго, французскаго, нѣмецкаго, итальянскаго и англійскаго. Кромѣ этихъ языковъ, въ теченіе четырехлѣтняго академическаго курса, я занимался философіею и богословіемъ, — науками, преподаваемыми въ то время въ академіи на латинскомъ языкѣ. Математическія лекціи, преподаваемые въ академіи двумя учителями чистой и прикладной математики, не могли удовлетворять меня. Я рѣшился

самъ, безъ помощи учителя, пройти всѣ части математики. Полный курсъ Вейдлера на латинскомъ языкѣ послужилъ мнѣ первымъ основаніемъ моихъ математическихъ познаній, которыя пополнялъ я, при преподаваніи въ Харьковѣ въ званіи учителя, въ Петербургѣ въ званіи профессора, сочиненіями извѣстныхъ математиковъ. Другія познанія, какъ, на примѣръ, географическія, историческія и политическія, входящія въ кругъ умственного образованія, приобрѣтались мною чтеніемъ. Я любилъ читать преимущественно философскія сочиненія, основанныя на естественномъ, здоровомъ умѣ, а не на школьныхъ того времени затѣйливыхъ системахъ. Наибогѣе читалъ я французскихъ и нѣмецкихъ писателей, проводя надъ чтеніемъ книгъ дни и ночи. Такъ, на примѣръ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ прочелъ я двадцать шесть огромныхъ томовъ in quarto древней и римской исторіи Роллена и четыре тома исторіи Кривьера о первыхъ римскихъ императорахъ. При академическомъ домѣ, занимаемомъ бѣдными учениками, былъ залъ для бібліотеки, состоявшей изъ многихъ полезныхъ и занимательныхъ книгъ; я пользовался ими, особенно читалъ много путешествій. Я прочелъ, сколько помню, тридцать шесть томовъ „Всемирнаго путешественника“ двадцать томовъ морскихъ путешествій, также путешествія Кука, Вальяна и другихъ путешественниковъ позднѣйшаго времени. Между книгами сей бібліотеки я нашелъ на русскомъ языкѣ сочиненіе Роллена: „Способъ учить и учиться“. Прочитывая его, я узналъ, что одинъ французскій литераторъ выучилъ на память всего Вергилія на латинскомъ языкѣ, а другой выучилъ и Вергилія на латинскомъ и Гомера на греческомъ языкѣ. Это чтеніе возбуждало во мнѣ сильное желаніе подражать имъ. Я началъ учить наизусть Вергилія. Круглый годъ почти я занимался имъ, посвящая всякій день одинъ вечерній часъ на выучиваніе ста стиховъ; въ четверть часа я прочитывалъ ихъ, а въ три четверти часа выучивалъ. Выученные стихи цвѣторялъ я всегда почти когда шелъ изъ квартиры въ академію на лекціи. Начиная съ перваго стиха, я могъ прочитывать безостановочно на память: Буколики, Георгіки и двѣ пѣсни Энеиды. Лѣтомъ, въ хорошіе весенніе и осенніе дни, любимымъ мѣстомъ моихъ занятій былъ Крещатикъ, на которомъ часто, съ первыми лучами восходящаго солнца, являлся я съ Вергиліемъ въ рукахъ.

Окончивъ Вергилія, желалъ я выучить и „Иліаду“ Гомера, но разнообразіе діалектовъ, огромность поэмы и близость оканчиваемаго мною академическаго курса были причиною, что я оставилъ въ самомъ началѣ это предпріятіе, выучивши нѣсколько стиховъ

Иліады. Нынѣ, однако, при этимологическихъ изслѣдованіяхъ, я извлекаю нѣкоторую пользу изъ діалектовъ Гомера и получилъ то убѣжденіе, что греческій языкъ его времени имѣлъ большое сближеніе съ кореннымъ языкомъ славянскихъ нарѣчій.

Я также занимался сочиненіями рѣчей духовнаго содержанія и переводами съ иностранныхъ языковъ. Съ нѣмецкаго языка я перевелъ стихами „Geistliche Lieder“ Геллерта и „Bestimmung des Menschen“ Шпалдинга; съ французскаго языка: „Contrat social“ Жанъ-Жака Руссо и „Загробную переписку“ какого-то неизвѣстнаго писателя. Всѣ эти сочиненія остались въ рукописяхъ ненапечатанными.

Двѣнадцать человѣкъ, прибывшіе въ академію изъ шести семипарій, составляли особое, такъ сказать, между учащимися общество, подъ именемъ кандидатовъ. Мы помѣщены были на жителство въ академическомъ зданіи, на берегу Днѣпра; имѣли общій столъ и общую прислугу. Дружба молодости соединяла всѣхъ насъ единомышленнымъ, радостнымъ чувствомъ юной жизни. Живя вмѣстѣ, мы, большею частью, вмѣстѣ дѣлали и свои прогулки. Пользуясь близостью Днѣпра, мы нерѣдко по водамъ его развѣзжались на большихъ лодкахъ, переплывали на другой берегъ, гуляли по долинѣ между кустами ошины, пользуясь ихъ ягодами, или, во время широкихъ разливовъ Днѣпра, переплывали пространную долину до отдаленныхъ селеній, единственно для того, чтобы напиться молока. Во время одного подобнаго плаванія случилось съ нами страшное приключеніе, оставшееся въ числѣ незабвенныхъ воспоминаній. Оставивъ Кіевоподольскій берегъ Днѣпра, достигали уже мы до половины пространства разлившихся водъ, имѣя въ виду желанный противоположный берегъ, какъ вдругъ набѣжавшая туча съ бурнымъ вѣтромъ взволновала воды и наша лодка быстротою теченія понеслась по пѣнистымъ волнамъ вдоль Днѣпра, несмотря на всѣ усилія гребцовъ. Веселіе и смѣхъ измѣнились на вопль и плачь нѣкоторыхъ между нами, болѣе оробѣвшихъ. Я помню, какъ мы переплывали черезъ верхушки потонувшихъ деревъ и хватались за нихъ, чтобы удержаться. Наконецъ, буря нѣсколько затихла и мы достигли противоположнаго берега, спустясь внизъ по рѣкѣ верстъ около шести.

Мѣстами одиночныхъ моихъ прогулокъ были Крещатикъ и Царскій садъ, куда я, вставши очень рано, лѣтомъ, весною и осенью, въ свободные свѣтлые дни обыкновенно ходилъ по деревянной полусгнившей мостовой узкой улицы, недалеко отъ береговъ Днѣпра, между деревянными ветхими домиками, гдѣ все еще спало. На высотахъ Крещатика часто я наслаждался живописною картиною

восходящаго солнца. Пространная заднѣпровская равнина, озаряемая лучами утренняго солнца, представляла тихій, очаровательный и величественный видъ, какого послѣ нигдѣ не случилось мнѣ видѣть. Во время осеннихъ утреннихъ прогулокъ я имѣлъ привычку взявши бѣлый хлѣбъ, ходить на Крещатику и тамъ завтракать, пользуясь ягодами съ шелковичныхъ деревьевъ, или, гуляя по тропинкамъ въ Царскомъ саду, отдыхать на ложѣ благовонныхъ ореховыхъ и кленовыхъ листьевъ. Воспоминаніе о сихъ прогулкахъ въ цвѣтущихъ лѣтахъ моей молодой жизни и нынѣ, въ глубокой старости, съ пріятностью иногда переноситъ мои мысли въ похождения прошедшей, невозвратной юности. Четырехлѣтнее время, проведенное мною въ Кіевѣ, было самымъ пріятнымъ періодомъ въ моей жизни.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1803 года я оставилъ Кіевъ. Нѣсколько человекъ товарищей, кандидатовъ, сопровождали меня за рѣку Днѣпръ, по плывучему мосту его, и, на его берегу посидѣвъ посмѣявшись и поплакавъ, простились мы навѣки. Послѣ того я уже никого изъ нихъ не видалъ.

II.

Въ 1803 г., по окончаніи академическаго курса наукъ, я возвратился изъ Кіева въ Харьковъ. Начальство коллегіума опредѣлило меня учителемъ пѣтики, математики, греческаго, латинскаго и французскаго языковъ и назначило мнѣ жалованья сто восемьдесятъ рублей за пятьдесятъ два часа преподаванія сихъ предметовъ въ недѣлю. Такое скудное жалованье рѣшился я дополнять содержаніемъ и обученіемъ пансіонеровъ изъ дворянскихъ дѣтей, съ которыми я, послѣ классныхъ занятій, часто принужденъ былъ заниматься до глубокой ночи.

Въ пѣтическомъ классѣ назначена была учебною книгою „Пѣтика Аполлоса“, изданная въ половинѣ прошедшаго столѣтія. Языкъ, слогъ и стихи, приводимые въ ней для примѣра, были весьма устарѣлые. Я составилъ для учениковъ новое учебное руководство, подъ названіемъ „Русская поэзія“, которое книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ въ Москвѣ въ 1805 г. Въ 1806 г., по распоряженію начальства, я обязанъ былъ, вмѣсто пѣтики, преподавать въ высшемъ классѣ риторику, съ полученіемъ жалованья трехсотъ рублей и оставаясь въ то-же время учителемъ математики и французскаго языка. Въ это время составлена мною для учениковъ высшихъ классовъ французская грамматика, которой было напечатано

четыре изданія, одно послѣ другаго, въ Москвѣ, книгопродавцемъ Глазуновымъ. Кромѣ того, еще въ 1805 г., переведено мною съ нѣмецкаго языка и напечатано въ Харьковѣ сочиненіе Мендельсона „Von der Unkörperlichkeit der Seele“, подъ русскимъ названіемъ „О духовномъ свойствѣ души человѣческой“. Это сочиненіе я, по напечатаніи, посвятилъ харьковскому епископу Христофору Сулимѣ, который очень любилъ меня и много благодѣтельствовалъ моему отцу и тѣмъ родственникамъ моимъ, за которыхъ я имѣлъ случаи ходатайствовать передъ нимъ. Сей архипастырь былъ первымъ епископомъ въ харьковской епархіи и отличался высокимъ благородствомъ и добротой души. Однажды, онъ посовѣтовалъ мнѣ снести экземпляръ этого сочиненія ректору университета, Рижскому, котораго странный пріемъ, сдѣланный мнѣ, остался доселѣ въ мозги памяти. По докладѣ обо мнѣ, когда я вошелъ въ комнату, Рижскій сидѣлъ въ креслѣ и что-то писалъ; оглянувшись на меня, продолжалъ писать и написанное мараль. Прошло нѣсколько минутъ; наконецъ, встаетъ, подходитъ ко мнѣ, съ гордымъ видомъ школьнаго педагога, беретъ книжку и, не сказавъ ни слова, уходитъ. Вскорѣ послѣ этого случилось мнѣ опять быть у преосвященнаго Христофора и у него я встрѣтилъ того-же Рижскаго, который посовѣтовалъ мнѣ тутъ вновь перевести для гимназій харьковскаго учебнаго округа съ латинскаго языка: логику, метафизику и нравственную философію Баумейстера. Я перевелъ и книгопродавецъ Глазуновъ напечаталъ ихъ въ Москвѣ.

Съ этого времени положеніе мое, въ хозяйственномъ отношеніи, постепенно улучшалось. Получая жалованья по званію учителя, плату за ученіе и воспитаніе пансіонеровъ, небольшой доходъ отъ сочиненій и продажи нѣкоторыхъ книгъ, я имѣлъ достаточныя средства и могъ прилично жить въ Харьковѣ и отцу помогать въ его деревенскомъ быту и въ содержаніи семейства. Я купилъ отцу у одного помѣщика домъ, который былъ перевезенъ въ село Борцово и устроенъ сообразно съ требованіями сельскаго быта. Купилъ я и себѣ, у другаго помѣщика, также домъ въ двадцати верстахъ отъ города и, перевезши его, построилъ въ саду на возвышенности, называемой Холодною горою, между садами помѣщика Квитки и купца Карпова. Стоялъ онъ на прелестнѣйшемъ мѣстоположеніи: городъ Харьковъ весь почти былъ въ виду; рѣка Харьковъ протекала вблизи, а изъ-подъ возвышенности, въ немногихъ саженахъ отъ воротъ дома, вытекалъ широкимъ ручьемъ обильный источникъ чистой холодной воды, по ту и другую сторону котораго была зеленѣющая лужайка.

Молодые лѣта всегда почти доставляютъ человѣку на старости пріятныя воспоминанія о себѣ. Несмотря на многочисленныя тяжелыя труды моей харьковской жизни, мнѣ пріятно теперь вспомнить о тѣхъ дружескихъ бесѣдахъ своихъ сослуживцевъ, которые своимъ чистосердечіемъ, откровенностію и остроуміемъ оживляли эти бесѣды. Въ сихъ бесѣдахъ, во время особенныхъ пріятныхъ случаевъ, какъ, напримѣръ, во время празднованья именинъ, нерѣдко принимали участіе духовныя лица, а иногда удостоивалъ ихъ своимъ посѣщеніемъ преосвященный Христофоръ Сулима, бывшій, какъ я упоминалъ выше, первымъ епископомъ харьковской епархіи, потомокъ древней фамиліи графовъ Сольмсовъ, поступившій въ монашество изъ военныхъ офицеровъ,—человѣкъ образованный, умный, добрый, архипастырь примѣрно благодѣтельный.

Пріятно мнѣ также вспоминать и о томъ, какъ я въ лѣтнее свободное время посѣщалъ своего отца и въ жаркіе дни отдыхалъ подъ тѣнію вѣтвистыхъ яблоней, выросшихъ изъ тѣхъ зернышковъ, которыя я садилъ, будучи еще восьми или девяти лѣтъ, и выросшіе стебельки высаживалъ и пересаживалъ нѣсколько разъ на другія мѣста. Затѣмъ въ каникулярные дни точно также весьма пріятно проводилъ свободное время въ сежействахъ тѣхъ помѣщиковъ, дѣти которыхъ или учились у меня или были пансіонерами. Дома ихъ были пріятными для моего отдохновенія послѣ школьныхъ трудовъ.

Въ 1808 году блаженной памяти митрополитъ Амвросій предложилъ комиссіи духовныхъ училищъ вызвать меня изъ харьковского коллегіума, а іеродіакона Филарета, по указанію ректора академіи, изъ московской Сергіевской семинаріи для занятія учительскихъ мѣстъ въ с.-петербургской академіи и семинаріи послѣ новаго преобразованія оныхъ. Меня, вѣроятно, митрополитъ Амвросій предложилъ вызвать по рекомендаціи Н. Н. Бантышъ-Каменскаго имѣвшаго въ то время, по учебной части, сношенія съ весьма многими лицами высшаго духовнаго начальства. По напечатаніи сочиненія Мендельсона въ 1806 году „О духовномъ свойствѣ души человѣческой“, я послалъ ему въ Москву одинъ экземпляръ, за который онъ благодарилъ меня письмомъ, въ коемъ, между прочимъ, было сказано имъ: „это сочиненіе не всякому по зубамъ“.

Въ началѣ 1809 года, во исполненіе указа святѣйшаго синода, я прибылъ въ Петербургъ и въ половинѣ января мѣсяца явился къ митрополиту Амвросію, а потомъ пошелъ къ ректору академіи, архимандриту Евграфу, у котораго изъ боковой комнаты вышелъ ко мнѣ іеродіаконъ Филаретъ, прибывшій прежде меня въ Петербургъ, и спросилъ у меня мою фамилію. Его смиренный видъ произ-

велъ во мнѣ какое-то темное весьма непріятное чувство, которое, какъ впоследствии время объяснилось мнѣ, было таинственно-пророческое чувство души, предвѣщавшее мнѣ большія непріятности въ будущихъ моихъ сношеніяхъ съ Филаретомъ какъ по службѣ, такъ и по разнымъ случаямъ въ моей жизни.

Академія и семинарія помѣщались въ то время въ Невскомъ монастырѣ. По приказанію митрополита, назначены мнѣ были двѣ комнаты для жительства въ томъ зданіи, гдѣ помѣщались студенты и нѣкоторые преподаватели академіи. Четыре года я жилъ въ сихъ комнатахъ, не выходя почти изъ монастыря до января мѣсяца 1813 года, до того времени, когда я женился.

Помѣщеніе жительства преподавателей академіи и семинарии было вообще стѣснительное. Это и нѣкоторыя другія причины, по прошествіи времени, побудили насъ, по примѣру монаховъ, имѣть общую трапезу. Мы сходились вмѣстѣ обѣдать и ужинать въ одну комнату; служившую намъ и кухней и столовою. Участниками этой общей трапезы были: инспекторъ студентовъ архимандритъ Іона, бывший потомъ митрополитомъ Грузин, іеромонахъ Евгеній, впоследствии бывший архіепископъ ярославскій, іеромонахъ Леонидъ, бѣдственный переводчикъ Ансильона, бывшаго причиною его смерти, Филаретъ, сдѣлавшійся уже въ это время іеромонахомъ, потомъ митрополитомъ московскимъ, Теофанъ, бывший архимандритъ Донскаго монастыря, переведенный потомъ въ Лютиковъ монастырь по несчастному приключенію въ его управленіи монастыремъ, и, наконецъ, я, бывший рас орядитель общей трапезы.

Въ скоромъ времени по прибытіи въ С.-Петербургъ, былъ я опредѣленъ комиссіею духовныхъ училищъ преподавателемъ русской словесности и математики въ семинаріи; въ академіи-же профессорскія кафедры уже были заняты лицами, прежде меня прибывшими въ академію. Во время полученія указа святѣйшаго синода я не былъ въ Харьковѣ и не былъ извѣщенъ объ этомъ, ибо, пользуясь сво^бодными праздничными днями Рождества Христова, Новаго года и Крещенія, я посѣщалъ и гостилъ у знакомыхъ помѣщиковъ Изюмскаго уѣзда.

Іюля 4-го дня возложена была на меня должность конференцъ-секретаря академіи и академическаго окружнаго и внутренняго правленія. Дѣла сихъ трехъ управленій мало оставляли мнѣ времени для литературныхъ занятій. Теченіе ихъ еще болѣе затруднялось новостію преобразования училищъ, перемежною дѣйствующихъ лицъ и интригами.

Духовныя училища зависѣли прежде отъ власти епархіальныхъ

архіереевъ, которые распоряжались ими по своему благоусмотрѣнію. Въ ихъ управленіи не было ни единства, ни единообразія. По введеніи новыхъ уставовъ въ семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ, возникли, по новости ихъ, многія сомнѣнія и недоразумѣнія, по которымъ училищныя начальства требовали поясненій и разрѣшеній отъ академическаго правленія. По множеству училищъ, входившихъ въ округъ академическаго управления, такихъ требованій и дѣлъ было очень много. Съ перемѣною ректоровъ академіи, положеніе дѣлъ и затрудненія въ управленіи измѣнялись. Первый ректоръ академіи, архимандритъ Евграфъ Платоновъ, былъ человѣкъ весьма благоразумный, опытный въ управленіи, справедливый и твердаго характера. Онъ любилъ меня и помогалъ мнѣ совѣтами и своими распоряженіями въ дѣлахъ затруднительныхъ. Въ ноябрѣ 1810 года, въ вечеру, я былъ у него съ дѣлами, долго бесѣдовалъ и пилъ чай съ нимъ. На другой день, рано утромъ, пришелъ я къ нему и спрашиваю келейника: „Всталъ-ли ректоръ?“ Келейникъ молча указываетъ мнѣ на него, сидѣвшаго въ кабинетѣ на софѣ въ видѣ человѣка, погруженнаго въ размышленіе. Въ прошедшую ночь смерть прекратила жизнь ему. На мѣсто его опредѣленъ ректоромъ архимандритъ Сергій, человѣкъ слабого характера и малоопытный въ дѣлахъ управленія. При докладахъ и объясненіяхъ текущихъ дѣлъ въ правленіи, по новости ихъ для него, случалось нерѣдко мнѣ входить съ нимъ въ словопренія, чѣмъ онъ крайне огорчался и сдѣлался, наконецъ, весьма неблагорасположеннымъ ко мнѣ. Но въ 1813 году онъ былъ посвященъ въ архіерейскій санъ и уѣхалъ въ Кострому на епархію, а его мѣсто въ академіи занялъ архимандритъ Филаретъ Дроздовъ.

III.

Никто, можетъ быть, не имѣлъ столько случаевъ проникать за монашеское покрывало скрытнаго характера Филаретова и свойствъ его души, сколько я имѣлъ ихъ въ теченіе шести лѣтъ, служа съ нимъ вмѣстѣ сначала въ семинаріи, потомъ въ академіи. Сердце онъ имѣлъ холодное; правиломъ его было дѣлать свое—*πραττειν τὰ ἴδια*, что почиталось доблестью человѣка у древнихъ греческихъ философовъ, о которыхъ Платонъ говоритъ въ своемъ Хормидѣ. Въ теченіе шести лѣтъ я не видѣлъ ни одного добраго дѣла, сдѣланнаго имъ своему ближнему по движенію и по чистому чувству христіанской любви. Умъ у Филарета былъ проникательный, даль-

новидный, постоянно отвлеченный отъ всего того, что не вело къ предполагаемой имъ цѣли, къ достиженію коей, предусматривая препятствія, устранялъ ихъ предварительно. Всѣ движенія ума и сердца его исходили изъ центра собственной личности и изъ сферы его дѣйствій возвращались къ центру той-же самоличности. Филаретъ, будучи еще архимандритомъ, имѣлъ уже цѣлю своихъ стремленій московскую митрополию. Предвидя на пути своего быстро возвышенія препятствіе себѣ въ епископѣ Августинѣ, викаріи митрополита Платона и даровитомъ проповѣдникѣ, онъ, при удобныхъ случаяхъ, старался очернить его, представляя его человѣкомъ будто-бы преданнымъ излишествамъ. Мнѣ случалось лично слышать и видѣть какъ онъ мимически представлялъ Августина—какъ Августина тоненькимъ голоскомъ приказывалъ келейнику подавать пуншу.

Во время кончины митрополита Платона, Филаретъ былъ еще архимандритомъ. Августину, викарію Платона, святѣйшій синодъ повелѣлъ продолжать управленіе московскою митрополіею и при семъ случаѣ возвелъ епископа Августина въ степень архіепископа, но архіепископа не московскаго, а уѣзднаго дмитровскаго. Такого событія въ исторіи русской іерархіи еще не бывало, чтобы епископовъ за ихъ заслуги жаловали въ санъ уѣздныхъ архіепископовъ. Августинъ былъ знаменитый проповѣдникъ своего времени, краснорѣчивый и вдохновенный витія.

Скоро послѣ сего случилось мнѣ быть у ректора академіи Филарета съ дѣлами для подписки ихъ и въ разговорѣ съ нимъ коснуться до Августинова повышенія въ архіепископы. Филаретъ отвѣчалъ мнѣ съ выраженіемъ явнаго удовольствія на лицѣ: „Да, Августинъ перескочилъ черезъ канаву, да ноги замаралъ“.

Филаретъ за свои дѣла и заслуги, самыя обыкновенныя, получилъ награды самыя необыкновенныя и самымъ необыкновеннымъ образомъ: будучи архимандритомъ, получилъ архіерейскую панагію, украшенную брилліантами; будучи также въ санѣ архимандрита получилъ орденъ св. Владиміра 2-й степени, не имѣвъ прежде никакихъ орденовъ. Сказавши двѣ или три проповѣди въ домовоі церкви своего покровителя, добрѣйшаго и благодѣтельнѣйшаго князя А. Н. Голицына, онъ успѣлъ исходатайствовать своему отцу наперсный брилліантовый крестъ въ награду не за какія-либо заслуги, но за проповѣди его сына, о каковомъ обстоятельстве, какъ о рѣдкомъ событіи, было обнародовано въ газетахъ, въ коихъ сказано, что эта награда дана отцу за проповѣди сына. Проповѣди Филарета холодны: въ нихъ нѣтъ чувства, нѣтъ сердца; въ нихъ

острый умъ играетъ, такъ сказать, до усталости словами, соединяя и противопоставляя ихъ разными извитіями; въ нихъ нѣтъ той духовно-жизненной силы христіанскаго чувства, которою ораторъ увлекаетъ сердца своихъ слушателей.

Филаретъ имѣлъ грудь слабую и голосъ невзвучный, отзвѣвавшій нѣсколько носовымъ произношеніемъ, а потому декламація его какъ въ произношеніи рѣчей, такъ и въ классныхъ чтеніяхъ лекцій не могла производить особеннаго впечатлѣнія въ слушателей. Это и было случайнымъ началомъ и одною изъ причинъ его неблагоприятнаго расположенія ко мнѣ. Случилось, что онъ въ началѣ службы своей въ Невской семинаріи преподавалъ нѣсколько времени русскую словесность, а потомъ я замѣтилъ его. Ученики, какъ это обыкновенно бываетъ, говоря объ его и моемъ образѣ преподаванія лекцій, дѣлали и распространяли свои отзывы неблагоприятныя для честолюбія Филарета. Съ этихъ поръ началъ я замѣчать въ Филаретѣ, во время общихъ нашихъ сходокъ для трапезованія въ обѣдъ и ужинъ, чувство какой-то неприязненности, отклонявшей его отъ собесѣдованія со мною. Сего чувства явно не обнаруживалъ онъ противъ меня, зная и видя, что митрополитъ Амвросій и рязанскій архіепископъ Теофилактъ, два главныхъ дѣятеля и члена духовныхъ училищъ, особенно покровительствовали мнѣ, самъ же еще онъ не стоялъ на уготовляемомъ пути повышеній, покровительствуемъ силою могущества князя Голицына. Но когда онъ вступилъ на сей путь, сдѣлавшись ректоромъ академіи, онъ началъ открыто дѣйствовать противъ меня. Сперва началъ словесно жаловаться кн. Голицыну, что я препятствую ему управлять академіею: эта жалоба значила, что я смиренію его смиренно не поклоняюсь, высокому уму его не удивляюсь; потомъ началъ письменно дѣлать доносы на меня, не пропуская самыхъ ничтожныхъ случаевъ для обвиненія. Такъ, напримѣръ, однажды пиसेць по ошибкѣ въ бумагѣ, посланной ему для подписи мною, вмѣсто словъ „Смоленской семинаріи“, написалъ „Могилевской семинаріи“. Филаретъ, возвративъ бумагу, прислалъ въ академическое правленіе письменный обвинительный актъ противъ меня, что я небрежно наблюдаю за дѣлами. Сей доносъ и другіе подобныя остались для меня безъ послѣдствій. Но при окончаніи перваго академическаго курса, онъ получилъ благоприятный случай для себя достигнуть цѣли своего недоброжелательства ко мнѣ—вытѣснить меня изъ академіи и семинаріи. Онъ былъ назначенъ экзаменаторомъ моихъ учениковъ по классу русской словесности, преподаваемой мною въ семинаріи. По окончаніи экзамена, Филаретъ допесъ академическому правленію:

1) что мои ученики мало занимались своими сочиненіями, которыхъ было только сорокъ у каждаго ученика въ теченіе года; 2) что они не сочиняли большихъ рѣчей и 3) что студенты академіи, окончивающіе курсъ наукъ, скоро могутъ замѣнить меня съ лучшимъ успѣхомъ въ преподаваніи. По полученіи сего доноса въ академическомъ правленіи, я возразилъ противъ втораго пункта и объявилъ, что ученики сочиняли большія рѣчи. Филаретъ сказалъ: „Зачѣмъ-же вы не показали мнѣ ихъ?“—„Зачѣмъ-же вы не спросили?“ отвѣчалъ я. — „Это не моя обязанность“, былъ его отвѣтъ. Скоро послѣ сего я оставилъ семинарію и академію и опредѣлился на службу по военному министерству въ аудиторіатскій департаментъ. Послѣ моего увольненія, въ скоромъ времени уволены были изъ семинаріи и другіе профессора, вызванные и опредѣленные комиссією духовныхъ дѣлъ, и замѣнены студентами академіи. Изъ уволенныхъ одинъ, профессоръ Ивановъ, былъ послѣ екатеринославскимъ губернаторомъ, другой, профессоръ греческаго языка Вороновъ, поступилъ на службу въ канцелярію графа Аракчеева. Послѣдняя школьная сцена, бывшая у Воронова съ Филаретомъ, былъ споръ во время экзамена учениковъ изъ греческаго языка о значеніи глагола ἀτάω. Въ разгарѣ спора послали на-домъ за греко-латинскимъ лексикономъ и, по справкѣ, оказалось, что Вороновъ правильно понималъ значеніе греческаго глагола ἀτάω. Филаретъ, чувствуя неприличіе этой школьной сцены, обратился къ ученикамъ и приказалъ не выносить за порогъ бывшаго спора.

Въ послѣдніе два года моего служенія по духовному вѣдомству я началъ составлять „Правила словесности“ и для опыта въ 1813 г. напечаталъ одну первую часть оныхъ, желая предварительно узнать какъ они по учебнымъ заведеніямъ будутъ приняты. Въ теченіе года 1,500 экземпляровъ разошлись большею частью по семинаріямъ. Въ 1814 г. я напечаталъ вторымъ изданіемъ эту первую часть, въ количествѣ также 1,500 экземпляровъ, но въ это время предписано было комиссією духовныхъ училищъ, гдѣ Филаретъ уже былъ членомъ, чтобы семинарскія правленія не покупали никакихъ книгъ, не испросивъ предварительно на покупку оныхъ позволенія отъ комиссіи. Я расчелъ, что это постановленіе комиссіи было направлено противъ моего сочиненія, о которомъ Филаретъ отзывался невыгодно и студентамъ академіи, говоря съ обычнымъ своимъ словозвѣтіемъ: „Эти правила требуютъ еще правилъ“. Это было одною изъ причинъ, почему я, напечатавъ четыре части „Правилъ словесности“, въ количествѣ трехъ тысячъ экземпляровъ, не сталъ повторять болѣе изданіе оныхъ; преимущественно-же

причиною было то, что самое содержаніе правилъ, выборъ примѣровъ, духъ церковнаго краснорѣчія, постепенность науки и системы ея были соображены въ семь моемъ сочиненіи съ свойствомъ и цѣлю образованія воспитанниковъ въ духовныхъ училищахъ.

Въ 1814 г. опредѣлился было я на службу въ аудиторіатскій департаментъ, но еще нѣсколько времени занимался дѣлами академическаго правленія. Митрополитъ Амвросій весьма любилъ меня и оказывалъ мнѣ большое довѣріе. Когда являлся я къ нему для подписи бумагъ и журналовъ, онъ обыкновенно спрашивалъ меня: „что тамъ, есть-ли что-нибудь?“ Я указывалъ ему на статьи журнала, заслуживающія вниманія его, или отвѣчалъ: „нѣтъ ничего, ваше высокопреосвященство“, и онъ подписывалъ не читавши. Пользуясь благопріятными случаями докладовъ, я не пропускалъ и сдѣлать добро лицамъ извѣстнымъ ученостью и жизнію своею. При открывавшихся вакансіяхъ начальническихъ или ученыхъ мѣстъ въ академическомъ округѣ, я старался дѣлать указанія митрополиту Амвросію на таковыхъ лицъ для замѣщенія вакансій. Болѣе полвѣка прошло уже, а воспоминанія о сихъ докладахъ, о добротѣ и благорасположеніи ко мнѣ мудраго архипастыря—часто приходятъ мнѣ на умъ, съ отраднымъ чувствомъ для сердца. Одно изъ самыхъ пріятнѣйшихъ воспоминаній осталось для меня, когда онъ однажды, въ лѣтнее время, въ десять часовъ вечера прислалъ келейника за мною и сбѣявилъ мнѣ: „Сегодня, сказалъ онъ, мы положили въ синодѣ вызвать въ здѣшнюю академію изъ тобольской семинаріи инспекторомъ студентовъ твоего Филарета“, который впоследствии былъ кievскимъ митрополитомъ. Слово „твоего“, употребленное митрополитомъ Амвросіемъ, служитъ доказательствомъ, что онъ считалъ меня Филарету или родственникомъ, или другомъ, или бывшимъ сослуживцемъ, но я зналъ Филарета только по свѣдѣніямъ, полученнымъ отъ П. Н. Турчанинова, который былъ знакомъ съ Филаретомъ въ Орлѣ и не разъ рассказывалъ мнѣ о притѣсненіяхъ, претерпѣнныхъ имъ отъ тамошняго епархіальнаго архіерея Досифея, въ бытность свою ректоромъ семинаріи.

Но съ сими пріятными воспоминаніями приходятъ мнѣ иногда на умъ и прискорбное событіе, отъ соучастія въ коемъ предохранило меня святое Провидѣніе. Однажды митрополитъ Амвросій, при моемъ докладѣ бумагъ ему, вручилъ мнѣ „Эстетическія разсужденія“ Ансильона, переведенныя студентами академіи подъ руководствомъ рязанскаго архіепископа Феофилакта и профессора эстетики, покровительствованнаго имъ, архимандрита Леонида, съ тѣмъ, чтобы я написалъ на это сочиненіе критику. Не отказываясь и не говоря

ня слова, я взялъ книгу, поклонился и ушелъ. Черезъ нѣсколько времени митрополитъ Амвросій спросилъ меня, написалъ-ли я критику? „По множеству дѣлъ въ правленіи, отвѣчалъ я ему, не успѣлъ я еще заняться ею“.

Черезъ два мѣсяца послѣ сего появилась напечатанная критика Филарета на Ансильона. Въ опроверженіе этой критики архіепископъ Феофилактъ и архимандритъ Леонидъ написали весьма основательную антикритику. Послали въ типографію напечатать; напечатали нѣсколько листовъ, но, печатая послѣдній листъ, получили повелѣніе прекратить печатаніе антикритики и не выпускать въ свѣтъ листовъ напечатанныхъ, а Леонида велѣно удалить изъ академіи. Неожиданный ударъ врага-соперника такъ сильно поразилъ его, что онъ впалъ въ глубокое отчаяніе и чрезъ три дня сошелъ въ могилу. Жаль мнѣ бѣднаго Леонида! Его велиа была смежною съ моею, и онъ почти каждый день посѣщалъ меня.

Подобныхъ событій, горестныхъ для воспоминанія, можно было бы не мало привести изъ шестилѣтняго періода моей служебной жизни вмѣстѣ съ Филаретомъ, но я не намѣренъ теперь описывать ихъ, предоставляя это будущему времени.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1814 г., когда я уже изнемогалъ въ силахъ подъ бременемъ непріятныхъ академическихъ и аудиторіатскихъ дѣлъ, пріѣхалъ ко мнѣ въ квартиру извѣстный поэтъ и патріотъ Василій Васильевичъ Капнистъ. Прежде онъ былъ незнакомъ лично мнѣ. Его посѣщеніе я считалъ всегда и теперь считаю дѣломъ Божьяго Промысла, избавившаго меня изъ омута монашескихъ интригъ и суетъ. Капнистъ пріѣзжалъ предложить: не желаю-ли я опредѣлиться секретаремъ къ министру народнаго просвѣщенія — графу Алексѣю Кирилловичу Разумовскому.

IV.

Опредѣлившись въ званіе секретаря къ особѣ министра, я считался на службѣ въ главномъ правленіи училищъ. Графъ Разумовскій и по характеру, и по уму, и по качествамъ сердца былъ истинный вельможа, во всемъ значеніи сего слова. Служа при немъ, я имѣлъ довольно свободнаго времени, которымъ пользуясь, составилъ третью и четвертую часть „Правиль словесности“.

До 1816 года въ главномъ педагогическомъ институтѣ не было кафедръ для преподаванія русской словесности, которую И. Н. Мартыновъ преподавалъ вмѣстѣ съ эстетикою, какъ часть сей

науки. По важности предмета, министръ графъ Разумовскій почелъ нужнымъ испросить высочайшее соизволеніе прибавить къ штату главнаго педагогическаго института новую кафедру русской словесности и меня опредѣлить профессоромъ по сей кафедрѣ.

Въ 1816 году и потомъ въ слѣдующіе годы главное занятіе мое было преподаваніе русской словесности въ педагогическомъ институтѣ; въ промежутокъ этого времени былъ я, между прочимъ, членомъ ученаго комитета при императорскомъ человеколюбивомъ обществѣ, вмѣстѣ съ надворными совѣтниками: Блудовымъ и Лавскимъ, изъ коихъ первый былъ потомъ графомъ и предсѣдателемъ государственнаго совѣта, второй—графомъ и министромъ внутреннихъ дѣлъ. По прошествіи одного года, я выбылъ изъ комитета и оставилъ редакцію журнала, издаваемого симъ комитетомъ, которая возложена была на меня, какъ на члена. Въ свободные же часы дня я былъ преподавателемъ русской словесности возрастнымъ юношамъ и дѣвцамъ первыхъ домовъ знаменитѣйшихъ фамилій: Строгоновыхъ, Волконскихъ, Васильчиковыхъ, Бибиковыхъ и другихъ; а въ ночные-же часы посѣщали мои домашніи лекціи многіе даровитѣйшіе и образованнѣйшіе офицеры гвардіи. Съ душевнымъ удовольствіемъ я теперь вспоминаю о нихъ, изъ которыхъ многіе сдѣлались извѣстными своими заслугами отечеству, какъ имена: пяти родныхъ братьевъ Шиповыхъ—Сергія, Ивана, Александра, Дмитрія, Николая Павловичей и двоюроднаго брата ихъ Алексія Ивановича, имена Муравьевыхъ—Карскаго и Амурскаго, Бурцова, Николая Николаевича Анненкова, Павла Николаевича Игнатьева, Ладыгина, адмирала Рикорда; съ грустью вспоминаю несчастныхъ: Пестеля, двухъ братьевъ Муравьевыхъ—Апостоля, князя Оболенскаго и другихъ.

Кромѣ ночныхъ домашнихъ чтеній о русской словесности, я желалъ имѣть публичныя чтенія и публиковалъ о моемъ намѣреніи въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“; но бывший тогда директоръ департамента Поповъ, призвавъ меня, воспретилъ какъ дѣло опасное, именуи мое намѣреніе гордостью и киченіемъ духа. Другой подобнаго рода памятный случай былъ со мною, когда я, въ 1818 и 1819 годахъ, исправлялъ должность цензора печатныхъ книгъ. Однажды министръ народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ, призвалъ меня и говоритъ, что государь императоръ вчерашній день сдѣлалъ ему замѣчаніе, а министры въ комитетѣ ожесточенно напали на него за напечатанную статью въ журналѣ Яценкова: „Духъ Журналовъ“, въ которой говорится, что нынѣ всѣ народы требуютъ конституціи. Князь такъ былъ снисходителенъ, говоря со мною, что я не почелъ нужнымъ въ свое оправданіе сказать ему, что Яценковъ печатаетъ

въ своемъ журналѣ безъ моего одобренія, не желая подвергнуть его строгой отвѣтственности за ложную подпись моего имени. „Впередъ, сказалъ князь, приносите ко мнѣ на разсмотрѣнїе подобныя статьи; Уварову не показывайте.—я лучше знаю духъ нынѣшней политики, нежели онъ“.—Я поклонился князю и ушелъ.

Злая судьба еще разъ доставила мнѣ случай, по выходѣ изъ духовнаго вѣдомства, испытать долготѣнее чувство неблагорасположенія Филарета ко мнѣ. Въ 1818 году былъ я членомъ и редакторомъ журнала въ ученомъ комитетѣ Императорскаго человѣколюбиваго общества, въ которомъ совѣтъ былъ также членомъ и Филаретъ. Я былъ представленъ отъ комитета совѣту къ награжденію орденомъ св. Владиміра 4-й степени за труды по редакціи журнала. Филаретъ, вставъ съ мѣста, воодушевленнымъ краснорѣчіемъ своимъ убѣдиль членовъ совѣта, что награждать за дѣла человѣколюбія не должно, потому что публика можетъ подумать, говорить онъ, что мы служимъ человѣколюбію изъ корыстныхъ видовъ, а не изъ чистыхъ побужденій сердца. По окончаніи года я оставилъ комитетъ и редакцію журнала. Бывшій помощникъ мой по редакціи журнала Аѳанасій Павловичъ Гевличъ, докторъ харьковскаго университета, человѣкъ умнѣйшій, добрѣйшій и честнѣйшій, принялъ на себя обязанность редактора журнала и чрезъ два мѣсяца получилъ за редакцію онаго орденъ св. Владиміра 4-й степени. По благородству души онъ былъ столько великодушенъ, что, получивши орденъ, пришелъ ко мнѣ на квартиру благодарить меня, говоря: „я пришелъ благодарить васъ; я получилъ орденъ св. Владиміра 4-й степени за ваши труды по изданію журнала“. Такая доброта души выше всѣхъ похвалъ. Впослѣдствіи А. П. Гевличъ былъ сенаторомъ.

Кромѣ оскорбленнаго чувства несправедливостью, была еще другая причина, побудившая меня оставить комитетъ. По уставу комитета всѣ члены обязаны были прочитывать статьи, назначаемыя къ печатанію въ журналѣ. Членами комитета были: я, коллежскій совѣтникъ Влудовъ и надворный совѣтникъ Ланской; предсѣдателемъ-же сего комитета былъ баронъ Фитингофъ, зять извѣстной придворной графини Ливенъ. Онъ, пользуясь покровительствомъ лицъ, близкихъ къ особѣ государя императора Александра I-го, представлялъ его величеству каждую ежемѣсячно выходящую книжку журнала, которая всегда была принимаема благосклонно и милостиво. Такая милость государя побудила барона Фитингофа представить меня совѣту Императорскаго человѣколюбиваго общества къ наградѣ за труды по изданію журнала, но, какъ я упоминалъ, въ наградѣ мнѣ было отказано, благодаря нерасположенію ко мнѣ

Филарета. Приступая къ печатанію первой книжки журнала, получилъ я для напечатанія статью, подъ заглавіемъ „О цѣли челоуѣколюбивыхъ обществъ“, присланную мнѣ отъ барона Фитингофа и никѣмъ не подписанную, такъ что я не зналъ: переводъ-ли это былъ или подлинное чье-либо сочиненіе. Последствія показали, что эта статья была переводъ г. Блудова съ французскаго языка, заимствованный изъ сочиненія Стурдзы. Печатаая эту статью, я поправилъ въ одномъ мѣстѣ текстъ изъ св. писанія, неправильно переведенный, въ другомъ перемѣнилъ нѣсколько словъ для избѣжанія какофоніи. Блудовъ, увлеченный сильнымъ раздраженіемъ самолюбиваго и честолюбиваго характера, прибѣжалъ ко мнѣ въ квартиру; но, не заставъ меня дома, долго шумѣлъ и стучалъ о полъ суковатымъ костьюемъ, называвшимся тогда „с'est droit de l'homme“. Черезъ нѣсколько дней, въ засѣданіи комитета, Блудовъ потребовалъ, чтобы во второй печатаемой книжкѣ журнала мои поправки были припечатаны подъ названіемъ „errata“, что и было сдѣлано мною по его желанію. Но г. Блудовъ не удовольствовался исполненіемъ своего этого желанія. На основаніи комитетскаго устава, я обязанъ былъ каждую статью, назначаемую къ печатанію въ журналъ, посылать предварительно членамъ комитета для прочтенія и одобренія. На посылаемыхъ статьяхъ г. Блудовъ писалъ на мой счетъ такія колкія критики, которыя крайне оскорбляли меня и разстраивали расположеніе духа. Съ этихъ поръ, особливо въ бытность свою товарищемъ министра народнаго просвѣщенія Шишкова, онъ много мнѣ вредилъ.

Въ 1819 году главный педагогическій институтъ преобразованъ и переименованъ въ университетъ. Профессора, занимавшіе каѳедры въ педагогическомъ институтѣ, остались тѣ-же, къ числу коихъ прибавлено нѣсколько новыхъ преподавателей. Мнѣ попрежнему назначено было преподавать русскую словесность. По новому положенію университета были въ немъ два начальника: ректоръ—по части учебной, и директоръ—по части экономической и по управленію. Первую должность занималъ профессоръ Балугіанскій, вторую дѣйствительный статскій совѣтникъ Кавелинъ. Неудобства, встрѣчавшіяся въ такомъ двойномъ управленіи, побудили начальство значительно измѣнить и дополнить уставъ университета. Это дѣло поручено было директору Кавелину и ректору Балугіанскому, профессору многосторонне-ученому, съ которыми я также участвовалъ въ семь дѣлъ въ званіи редактора.

Вскорѣ по учрежденіи университета, нѣкоторые профессора образомъ своихъ мыслей и преподаванія, несогласнымъ съ видами правительства, вынудили начальство исключить ихъ изъ универ-

тета; по сему случаю мнѣ велѣно было, кромѣ русской словесности, преподавать въ университетѣ и философію, которую я преподавалъ, какъ ниже будетъ показано, до управленія Шишкова министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Въ 1820 году я былъ назначенъ исправляющимъ должность инспектора въ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, учрежденномъ въ 1817 году при главномъ педагогическомъ институтѣ. Съ 1817-го по 1820 годъ пансіонъ, по непростительной безпечности и по незнанію своего дѣла начальствующими въ ономъ, былъ доведенъ до чрезвычайныхъ безпорядковъ и до безобразія во всѣхъ отношеніяхъ. Почитая неумѣстнымъ и неприятнымъ описывать и вспоминать о нихъ, приведу въ доказательство явнаго разстройства въ пансіонѣ одно только то, что изъ числа ста человекъ воспитанниковъ, находившихся въ немъ по штату, исключено въ 1818 году за дурное поведеніе сорокъ пять воспитанниковъ, а въ 1819 году сорокъ семь. Двукратно я отказывался отъ предлагаемой мнѣ инспекторской должности, не надѣясь исправить усилившіяся безпорядки въ пансіонѣ, наконецъ, согласился, уважая просьбу директора пансіона г. Кавелина, много благодѣтельствовавшего мнѣ, на слѣдующихъ условіяхъ: 1) принять исправленіе должности инспектора съ наименованіемъ исправляющимъ должность; 2) оставить за мною квартиру, занимаемую моимъ семействомъ въ зданіи университета на Васильевскомъ островѣ; 3) предоставить мнѣ учебную и воспитательную часть въ полное распоряженіе, безъ вмѣшательства директора въ дѣло воспитанія. Когда эти условія были приняты, я вступилъ въ управленіе пансіономъ, переимѣнилъ всѣхъ гувернеровъ и нѣкоторыхъ учителей, устроилъ во всемъ новый порядокъ и въ теченіе всего моего управленія не имѣлъ ни малѣйшаго неудовольствія со стороны воспитанниковъ, изъ которыхъ ни одинъ не оставилъ пансіона не кончивши курса и не получивши по уставу права на чинъ 10-го или 12-го класса. За возстановленіе порядка и устройства въ пансіонѣ я награжденъ былъ орденомъ св. Владиміра 4-й степени. Непрестанныя усилія напряженной дѣятельности сначала подѣйствовали было на мое здоровье, но съ теченіе времени, послѣдовательно возстановляемый порядокъ постепенно облегчалъ мнѣ трудность управленія я, наконецъ, многодѣльные занятія обратились мнѣ въ привычку. Въ это время, какъ пансіонъ доведенъ былъ мною до настоящаго благоустройства, Руничъ исправляющій должность попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа, заблагоразсудилъ въ угодность директору департамента, дѣйствительному статскому совѣтнику Попову, служившему въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, назначить на мое мѣсто его

своака, отставнаго флотскаго лейтенанта Клемента, представивъ министру, что мнѣ неудобно посѣщать свое семейство, находящееся на Васильевскомъ островѣ. Благородный пансіонъ, подъ управленіемъ неопытнаго и неспособнаго къ образованію юношества моряка, опять впалъ въ большое разстройство; Клементъ отставленъ былъ отъ должности и повелѣно было куда не принимать его на службу. Назначенъ былъ новый инспекторъ въ благородный пансіонъ — г. Бенидъ, человѣкъ довольно опытный въ дѣлѣ воспитанія, но пансіонъ былъ доведенъ до такой степени разстройства, что, по распоряженію начальства народнаго просвѣщенія, велѣно было, наконецъ, закрыть пансіонъ и переименовать его въ гимназію.

Въ 1822 году окончилъ я изданіе своего сочиненія „Правила словесности“, начатое въ 1813 году. Многія были причины такого продолжительнаго печатанія. Въ томъ-же году напечаталъ я переводъ „Похвальнаго слова императору Траяну“, сочиненіе Младшаго Плинія, посвятилъ его блаженной и бессмертной памяти императору Александру I и имѣлъ счастье получить за него драгоценный подарокъ отъ божественной и вѣчнопамятной государыни императрицы Елисаветы Алексѣевны.

Скоро послѣ сего времени случилось, что блаженной памяти императоръ Николай Павловичъ, бывши еще великимъ княземъ и начальникомъ гвардейскаго корпуса, назначилъ меня съ нѣкоторыми другими лицами преподавателемъ въ вновь учрежденной школѣ гвардейскихъ юнкеровъ и представилъ на высочайшее утвержденіе императору Александру I, который, читая списокъ представленныхъ преподавателей, остановился на моемъ имени и отозвался такъ лестно обо мнѣ, что его императорскому высочеству любопытно было узнать по какому случаю зналъ меня государь императоръ, и для удовлетворенія любопытства своего прислалъ ко мнѣ директора гвардейской школы генерала Годейна спросить меня объ этомъ. Чтобы вѣрнѣе сколько-нибудь дать отвѣтъ, я сказалъ, что государь императоръ недавно наградилъ меня милостиво за посвященіе его имени „Похвальнаго слова императору Траяну“, переведеннаго съ латинскаго языка.

Находясь преподавателемъ военнаго слога въ школѣ гвардейскихъ подпрапорщиковъ, я усмотрѣлъ необходимость въ печатномъ руководствѣ такого содержанія, которое могло-бы до нѣкоторой степени удовлетворить вообще слушателей, имѣвшихъ неодинаковыя предварительныя понятія о словесности: иные окончили курсъ университетскаго воспитанія, другіе получили слабое домашнее образованіе. Для юнкеровъ и подпрапорщиковъ и составилъ и напечаталъ сочиненіе, въ трехъ небольшихъ книжкахъ, подъ назва-

ниемъ: „Военное краснорѣчіе“. Въ первой книжкѣ содержатся правила первоначальныхъ словесныхъ сочиненій; во второй—правила, относящіяся до сочиненій военныхъ; въ третьей,—примѣры, заимствованные изъ древнихъ и новыхъ военныхъ писателей. По выходѣ сего моего сочиненія въ свѣтъ, Гречъ и учитель кадетскаго корпуса Талызинъ напечатали, въ 1826 году, критику въ журналѣ „Сынъ Отечества“, весьма пристрастную, на которую я отвѣчалъ тремя брошюрками. Тотъ и другой критику имѣли особенныя причины, побуждавшія ихъ написать критику: Гречъ хотѣлъ отомстить мнѣ за то, что я, бывши членомъ комитета, разсматривавшаго учебныя пособія, не одобрилъ его русской грамматики, представленной имъ комитету для введенія въ число учебныхъ пособій для преподаванія въ училищахъ, а учитель Талызинъ, преподававшій кадетамъ лекціи по своей риторикѣ, не захотѣлъ преподавать словесность по моей книгѣ, по которой велѣно было ему преподавать ее отъ главнаго начальника учебной части корпуса. Онъ хотѣлъ сочиненіемъ критики унижить достоинства моего сочиненія, то перемѣняя мои слоги и вставляя въ текстъ свои собственные, то пропуская нѣкоторыя реченія и извращая смыслъ текста.

Комитетъ, упомянутый выше, составленъ былъ по высочайшему повелѣнію, 1826 года іюня 26 дня, въ началѣ царствованія блаженной памяти премудраго императора Николая I, по министерству народнаго просвѣщенія. Членамъ комитета повелѣно было разсматрѣть учебныя книги, преподаваемыя въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Президентомъ-же онаго былъ назначенъ попечитель харьковскаго учебнаго округа Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій, человекъ весьма образованный и благороднѣйшаго сердца. Членами были профессора университета: Чижовъ, я, Соколовъ, секретарь російской академіи, и еще одинъ профессоръ. Бѣольшая часть учебныхъ книгъ была отдаваема комитетомъ на разсмотрѣніе мнѣ по преимуществу, какъ профессору словесности,—науки общей съ многими предметами, преподаваемыми въ гимназіяхъ и уѣздныхъ училищахъ. Пользуясь симъ случаемъ и желая сдѣлать добро нѣкоторымъ ученымъ лицамъ, извѣстнымъ мнѣ своими педагогическими дарованіями и трудами, я старался рекомендовать ихъ комитету, предлагалъ на разсмотрѣніе ихъ сочиненія, которыя и были приняты въ число учебныхъ книгъ, несмотря на интригу нѣкоторыхъ педагоговъ-соискателей. За труды по сему комитету былъ я представленъ къ награждѣ. Высочайшее повелѣніе по сему представленію послѣдовало: представить къ награжденію когда комитетъ исполнитъ свою обязанность и окончитъ дѣла свои. Въ 1837 году комитетомъ были уже разсмотрѣны учебныя книги и пособія и высочайшее

повелѣніе по сему предмету комитетомъ окончательно было исполнено. Но съ 1837 года, въ продолженіе всего управленія министерствомъ, графъ Уваровъ не обращалъ никакого вниманія на существованіе комитета и высочайшее повелѣніе 1828 года о награжденіи меня за труды—оставалось безъ выполненія до вступленія князя Ширинскаго-Шихматова въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія, который въ 1851 году испросилъ мнѣ высочайшую награду въ 3,000 рублей.

Равнымъ образомъ, по нерасположенію ко мнѣ изъ-за сочиненія Стурдзы—и представленіе его высочества Максимилиана, герцога Лейхтенбергскаго, о награжденіи меня въ слѣдующій чинъ, подавленное графу Уварову, осталось безъ послѣдствій.

Между занятіями по комитету я имѣлъ время перевести съ французскаго языка логику Кизеветера, которая и была принята въ число учебныхъ книгъ, такъ какъ, когда ихъ разсматривали, то нѣкоторыя изъ нихъ признаны были годными для преподаванія, другія замѣнены новыми руководствами, составленными, по порученію комитета, посторонними учеными лицами или членами комитета.

Въ 1825 г. министръ народнаго просвѣщенія, кн. Голицынъ, въ числѣ немногихъ лицъ по учебной части, представилъ меня, помимо комитета министровъ, лично государю императору Александру I къ награжденію орденомъ св. Анны 2-ой степени съ брилліантовыми украшеніями. Высочайшее повелѣніе о награжденіи меня симъ орденомъ передано было для исполненія въ комитетъ министровъ. Въ это самое время, князь Голицынъ уволенъ былъ отъ должности министра. Предсѣдатель комитета министровъ, графъ Аракчеевъ, вѣроятно, недовольный тѣмъ, что князь Голицынъ, во существовавшему тогда между ними враждебному отношенію, мимо его вѣдѣнія сдѣлалъ представленіе государю о наградѣ чиновниковъ по своему министерству,—не захотѣлъ выполнить высочайшаго повелѣнія, послѣдовавшаго о награжденіи чиновниковъ. Онъ отвесилъ къ Шишкову, вновь назначенному министромъ вмѣсто князя Голицына, съ вопросомъ: „какого онъ мнѣнія объ этомъ дѣлѣ?“ Шишковъ отвѣчалъ, что онъ, по недавности вступленія въ министерство, не можетъ дать никакого мнѣнія объ этомъ. Такой отвѣтъ Шишковъ послужилъ графу Аракчееву основаніемъ къ невыполненію высочайшаго повелѣнія о награжденіи меня и, вѣроятно, доставилъ самому Шишкову пріятный случай расплатиться со мною за критику, напечатанную мною въ журналѣ „Сынъ Отечества“ на его „Этимологическія словопроизводства“.

Въ короткое время своего министерства Шишковъ имѣлъ еще одинъ случай оказать мнѣ свое неблагорасположеніе. Удаленны

изъ казанскаго университета, профессоръ Пальминъ, бывший прежде учителемъ въ кадетскомъ корпусѣ, человекъ безъ дарованій и познаній, подалъ просьбу Шишкову объ опредѣленіи вмѣсто меня преподавателемъ философіи въ с.-петербургскомъ университетѣ. Шишковъ, немедля, очень охотно выполнилъ его просьбу. Когда я по сему случаю пришелъ къ Шишкову, онъ сказалъ мнѣ: „у тебя было двѣ кафедры, а Пальминъ былъ безъ мѣста“. Недолго, однако, Пальминъ занималъ профессорское мѣсто въ с.-петербургскомъ университетѣ. Сей неспособный преподаватель подвергся подобной-же участи, какой прежде былъ подверженъ Клементъ, мой преемникъ по благородному пансіону.

Вопросъ о награждѣ меня орденомъ св. Анны снова возникъ по слѣдующему случаю. Послѣ бывшаго экзамена юнкеровъ и подпорщниковъ, генералъ Годейнъ, директоръ школы, человекъ притѣрно доброй души, объявлялъ мнѣ о своемъ желаніи представить меня къ награждѣ орденомъ св. Анны 2-ой степени. Я объявилъ ему, что министръ Голицынъ еще въ 1825 г. представилъ меня къ награжденію симъ орденомъ, но по сіе время представленіе его остается въ комитетѣ министровъ. Годейнъ сказалъ, что завтра-же онъ доложитъ о семъ великому князю. Великій князь доложилъ государю императору и государь приказалъ спросить: „по какой причинѣ дѣло о моемъ награжденіи такъ долго остается въ комитетѣ министровъ безъ разрѣшенія?“ Правитель дѣлъ комитета отвѣчалъ, что оно готово къ докладу его императорскому величеству; но по какой причинѣ долго оставалось дѣло въ комитетѣ онъ умолчалъ. Еще прошелъ годъ въ собираніи справокъ: всѣ-ли, со мною вмѣстѣ представленныя къ наградамъ, находятся въ живыхъ. Наконецъ, въ 1828 г. я удостоился получить орденъ св. Анны, но безъ украшеній.

Въ 1826 г. я былъ выбранъ деканомъ историко-филологическаго факультета, а въ слѣдующемъ, 1827 г., я посланъ былъ визитаторомъ училищъ Калужской и Смоленской губерній, подвѣдомыхъ министерству народнаго просвѣщенія. При осмотрѣ калужской гимназіи, оказалось, что директоръ ея, Коандеръ, растратилъ училищныя деньги, болѣе тридцати тысячъ, проигравъ ихъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ карты. Въ допущеніи сей растраты директору Коандеру учителя гимназіи подвергались отвѣтственности по правиламъ храненія училищныхъ суммъ. Нищета бѣдныхъ, многосемейныхъ учителей, стѣсненныхъ властью директора, человека хитраго и имѣвшаго сильныя связи, возбудила во мнѣ жалость и рѣшимость по возможности отклонить отъ нихъ вину и защитить ихъ. Директоръ Коандеръ въ тотъ-же вечеръ, какъ я пріѣхалъ въ Калугу, отравился. Калужская палата обвинила и меня въ растратѣ

денегъ, которыя всѣ, почти за нѣсколько лѣтъ до моего прїѣзда, были проиграны въ карты. Правительствующій сенатъ, по разсмотрѣнн дѣла, за неправильное рѣшеніе онаго, возложилъ взыскаііе на судей калужской уголовной палаты.

Въ 1832 г. я былъ уволенъ отъ должности профессора въ университетѣ и оставленъ членомъ вышеупомянутаго комитета, которому повелѣно было разсмотрѣть учебныя книги и пособія. Въ 1839 г. былъ вызванъ изъ деревни, по волѣ блаженной памяти государя императора Николая Павловича, для обученія русскому языку е. и. в. герцога Лейхтенбергскаго. Лекціи, преподанныя ему по особой этимологической системѣ, напечатаны. Въ 1857 г. переведено съ французскаго языка и съ нѣкоторыми перемѣнами напечатано мною сочиненіе Мориссо, подѣ названіемъ: „Размысленія христіанина, посвященныя ангелу-хранителю на каждый день въ теченіе мѣсяца“. Въ 1859 г. напечаталъ сочиненіе, подѣ названіемъ: „Аналитическая филологія о составѣ и образованіи русскаго языка“, а въ 1861 г. напечаталъ переведенную съ латинскаго языка десятую книгу писемъ Младшаго Плинія, подѣ названіемъ: „Переписка Плинія съ императоромъ Траяномъ“. Въ часы свободные отъ другихъ дѣлъ я занимался симъ авторомъ съ 1805 г., а теперь всѣ сочиненія его приготовлены къ печатанію.

Сверхъ вышеупомянутыхъ трудовъ, сообщалъ я въ нѣкоторые того времени журналы переводныя статьи, особенно съ греческаго и латинскаго языковъ, чаще всего въ журналъ „Древней и Новой Словесности“, о которыхъ „Journal de Débat“ отзывался съ лестною похвалою.

Як. Вас. Толмачевъ.

